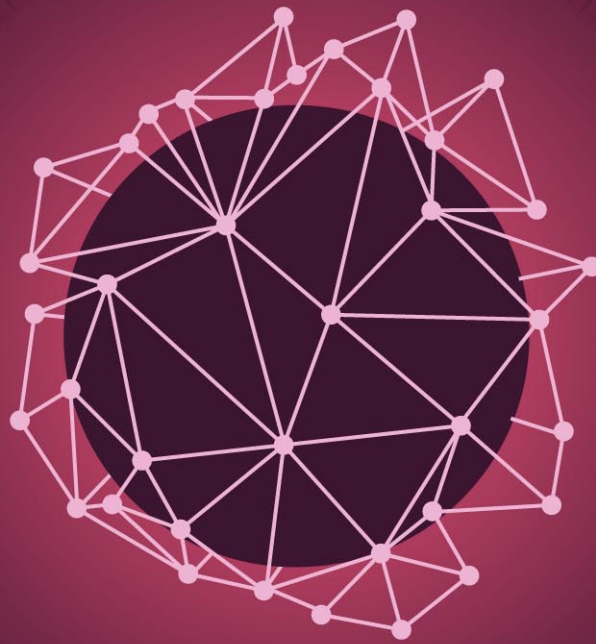

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

И. В. Башкова

РУССКАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

УДК 81'373.23

ББК 81.053.1

Б334

Р е ц е н з е н т ы:

И. Е. Ким, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН;

И. В. Пекарская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой стилистики русского языка и журналистики Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Башкова, И. В.

Б334 Русская семантическая персонология: теоретико-методологические основания : монография / И. В. Башкова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – 376 с.

ISBN 978-5-7638-4049-0

Изложены теоретико-методологические основания русской семантической персонологии как нового формирующегося направления лингвоперсонологии. Представлено описание работы основных российских лингвистических школ, в которых ведется исследование языковой личности. Определен объект семантической персонологии, охарактеризованы методы и приемы исследований в области русской семантической персонологии, выявлено ее место среди других лингвистических направлений. Проанализирован лексический класс «Названия лиц» в художественных произведениях В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина на фоне «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой; определено, какие свойства идиостиля автора и его индивидуально-авторской языковой картины мира отражаются в данном лексическом классе. На примере анализа значений слов *сибиряк*, *чалдон*, *мужик*, *баба*, *женщина*, *пролетарий*, *коммунист*, *большевик*, *турист*, *крестьянин* в прозе В. П. Астафьева рассмотрено отражение гендерных, субэтнических и социально-идеологических стереотипов в персоносемантике слова.

Предназначена для ученых, преподавателей, занимающихся проблемами языковой личности и творчества В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина; также может быть полезна аспирантам и студентам.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 81'373.23
ББК 81.053.1

ISBN 978-5-7638-4049-0

© Сибирский федеральный университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	5
СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
Г л а в а 1. ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	12
1.1. Проблема языковой личности в антропоцентрической парадигме современного языкознания	12
1.2. Междисциплинарный характер понятия «языковая личность» и многообразие подходов к его изучению	17
1.3. Структурный подход к исследованию языковой личности	24
1.4. Дискурсивно-коммуникативное исследование языковой личности.....	27
1.5. Исследование языковой личности с позиций лингвокультурологии	35
1.6. Комплексное многоаспектное изучение конкретной диалектной языковой личности	40
1.7. Разработка лингвоперсонологической гипотезы языка	43
Выводы	48
Г л а в а 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ	51
2.1. Отличительные черты семантической персонологии	51
2.2. Вербально-семантический уровень языковой личности как объект исследования семантической персонологии.....	55
2.3. Принцип системного описания лексики в лингвистической семантике и семантической персонологии	58
2.4. Изучение национальной и индивидуально-авторской языковых картин мира с позиций лингвистической семантики и русской семантической персонологии	68
2.5. Лексикографический метод исследования языковой личности	77
Выводы	86

Г л а в а 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ В ЛЕКСИКОНЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	88
3.1. Языковая личность русского писателя как эталон русской языковой личности определенного социального типа	88
3.2. Центральное место лексики, именующей человека, в лексиконе языковой личности	90
3.3. Лексический класс названий лиц в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина и В. Г. Распутина на фоне «Русского семантического словаря»	96
3.4. Модус предложения как актуализатор лексической персонсемантики	136
3.5. Номинации лиц по отношению к вере, религии в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина	146
Выводы	159
Г л а в а 4. НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА КАК ЧАСТЬ ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В. П. АСТАФЬЕВА	164
4.1. Вербализаторы антропостереотипов как маркеры социальных качеств языковой личности	164
4.2. Персонсемантика в значении лексем, вербализующих субэтнические стереотипы	165
4.3. Персонсемантика в значении лексем, вербализующих гендерные стереотипы	173
4.4. Персонсемантика в значении лексем, вербализующих социально-идеологические стереотипы	195
4.5. Вербализатор антропостереотипа как номинация лингвокультурного типажа	202
4.6. Вербализатор антропостереотипа как идиоглосса личностного дискурса	212
Выводы	220
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	222
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	231
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	281
ПРИЛОЖЕНИЯ	283
П р и л о ж е н и е 1. Номинации лиц в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина	283
П р и л о ж е н и е 2. Номинации совокупностей лиц в прозе В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина	367

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Проблема языковой личности в антропоцентрической парадигме современного языкознания

Задача настоящей главы – охарактеризовать существующие в современной лингвистике направления описания ЯЛ. Эта глава во многом основывается на [Башкова, 2011, 2014к].

XXI век – это время расцвета антропоцентрической лингвистики, поскольку человек – говорящий, пишущий, думающий, осваивающий язык и пользующийся им – утвердился в качестве центрального объекта лингвистических исследований, как зарубежных (см.: [Foley, 1997; Duranti, 2009]), так и отечественных. То, что основополагающая величина современного языкознания – человек, уже ни у кого не вызывает сомнений. **Языковая личность**, т. е. человек как носитель языка, является тем объектом, который объединяет науки, входящие в современное языкознание.

Мнения относительно того, кто является автором термина «языковая личность», расходятся. Его первое употребление связывают либо с именем неогумбольдтианца Й. Л. Вайсгербера, либо с работой В. В. Виноградова «О художественной прозе» (1930) [Оленев, 2008, с. 15]. Несомненно, что в русистике активное использование данного термина началось в исследованиях В. В. Виноградова о языке художественной литературы, где ЯЛ рассматривалась в двух ее проявлениях (образ автора и художественный образ «говорящего» персонажа) [Виноградов, 1959]. В 80-е годы XX века в отечественной лингвистике понятие ЯЛ получило концептуальное осмысление в фундаментальных трудах Г. И. Богина и Ю. Н. Караулова. (Примерно в это же время в США на стыке психологии и лингвистики формируется лингвистика индивидуальных различий (см.: [Goldberg, 1981]).) Были предложены пути исследования ЯЛ, которые стали программными для многих направлений лингвистики. С позиций лингводидактики Г. И. Богин разработал уровневую модель описания обобщенного типа ЯЛ, абстрагированного «не только от индивидуальных различий людей, но и от различия известных им языков» [Богин, 1984, с. 3]. Основное назначение этой модели – обучение родному и неродному языкам. Человек

в ней рассматривается «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Там же, с. 1].

В 1997 году термин *языковая личность* был включен в переизданную энциклопедию «Русский язык» под редакцией Ю. Н. Караулова. Там отмечается, что языковой личностью может стать любой носитель языка как автор языковых текстов, имеющий свой характер, интересы, социальные, психологические и языковые предпочтения и установки [Караулов, 1997, с. 672]. «Понятие *языковая личность* предполагает такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и впечатленные в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа» [Караулов, 2007б, с. 286].

Термин ЯЛ постоянно корректируется, оставляет простор для поисков и дискуссий. В зависимости от того, какие проявления ЯЛ становятся объектом исследования, используются термины *речевая личность*, *коммуникативная личность*, *дискурсивная личность*, *литературная личность*. В качестве родового понятия, определяющего уникальность человека в его способности к общению, К. Ф. Седов предложил считать «модель коммуникативной компетенции личности» [Седов, 2007, с. 8].

Индивидуальность языка и речи носителя языка отражают и другие термины: *идиолект*, *идиостиль*, *речевой паспорт*.

Значение термина *идиолект* более или менее устойчиво, он давно используется в языкознании. «*Идиолект* [от греч *idios* – свой, своеобразный, особый и (диа)лект] – совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка <...> Идиолект в узком смысле – только специфические речевые особенности данного носителя языка; в таком аспекте изучение идиолекта актуально прежде всего в поэтике, где основное внимание уделяется соотношению общих и индивидуальных характеристик речи (стиля), а также в нейролингвистике, где необходимо представить соотношение индивидуальной и типовой клинических картин при различных видах расстройств речи <...> В широком смысле идиолект – вообще реализация данного языка в устах индивида, т. е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка» [Виноградов, 1990, с. 171].

Идиостиль – это более неопределенный термин, терминологический дублет термина *идиолект*. «Согласно словарным определениям, понятие «идиостиль» логически шире понятия «идиолект» и трактуется как вся совокупность языковых выразительных средств автора, в то время как компонентами идиолекта становятся важнейшие черты идиостиля» [Новиков, Преображенский, 1990, с. 56].

Проблема соотношения терминов *идиолект* и *идиостиль* в стилистике художественной речи и лингвистической поэтике решается по-разному. Так, В. П. Григорьев отмечал, что «всякий идиостиль как факт современной литературы является в то же время идиолектом» [Григорьев, 1983, с. 4]. Разграничение понятий идиостиля/идиолекта связывают с осознанным введением оппозиции: денотативный/коннотативный аспект функционирования компонентов субъязыка. Если все индивидуальные компоненты авторской языковой системы считать «компонентами идиолекта, то те из них, что устойчиво реализуют коннотативную функцию, будут складывать идиостиль» [Новиков, Преображенский, 1990, с. 57].

В. И. Карасик понятию *идиостиль* противопоставляет понятие *речевой паспорт*: «Речевой паспорт – это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой). Идиостиль человека... можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор. Речевой паспорт – это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль – аспект коммуникативной компетенции» [Карасик, 2002, с. 9].

Для настоящей работы значимыми являются термины *языковая личность* и *идиолект*, которые употребляются в следующих значениях: *идиолект* – это реализация языка в текстах, созданных языковой личностью; важнейшая часть идиолекта – это *идиолексикон*, т. е. совокупность всей используемой индивидом лексики. *Языковая личность* – это конкретный носитель языка со своими ментальными, психическими и социальными качествами, которые отражаются в созданных им текстах.

ЯЛ изучается в рамках многих научных дисциплин, и в их ряду особое место занимает **лингвоперсонология**, поскольку ЯЛ является основным объектом ее изучения, а не входит в ряд других объектов. Одной из первых работ программного характера для этой научной дисциплины стала статья В. П. Нерознака, в которой в качестве названия раздела лингвистики, развивающего теорию ЯЛ, был предложен термин «**лингвистическая персонология**» [Нерознак, 1996, с. 113]. Эта наука призвана исследовать состояние языка как частночеловеческой (идиолектной), так и многочеловеческой (полилектной) ЯЛ [Там же]. В 2003 году в научный обиход был введен сокращенный вариант предложенного ранее наименования – «**лингвоперсонология**» [Нерознак, 2003]. Это обозначение «отвечает требованиям краткости, системности (ср. лингвокультурология, лексикология, мотивология...) и прозрачности внутренней формы» [Иванцова, 2010, с. 22]. Благодаря научной и издательской деятельности Н. Д. Голева новый термин утвердил свои позиции в лингвистике. Изданные в Барнауле и Кемерове сборники [Вопросы лингвоперсонологии, 2007; Лингвоперсонология,

2006] объединили усилия ученых, работающих в разных городах России. Анализ научной литературы показывает, что в настоящее время термин *лингвоперсонология* наиболее активно используют сибирские лингвисты – в первую очередь, представители лингвистических школ Барнаула, Кемерово, Томска и Красноярска.

Новая научная дисциплина выделяется благодаря собственному объекту и предмету, что приводит к возникновению новых методов исследования. Можем ли мы говорить о том, что таковые есть у лингвоперсонологии? Статья «Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии» [Иванцова, 2008] стала первой работой, в которой сделан обобщающий анализ используемых в лингвоперсонологии методов. Автор выделила три типа методологических трудностей изучения индивидуальной речи: 1) выбор исследуемого объекта; 2) сбор материала; 3) анализ материала. Вывод данной статьи таков: «в лингвоперсонологии складываются методологические установки, связанные с выбором объекта исследования, методами сбора материала и его анализа. Опираясь на традиционные методы лингвистики, теория ЯЛ вырабатывает и свою собственную методологию» [Там же, с. 41]. Так, **методика сбора материала** включает *непрерывное наблюдение, долговременное панельное наблюдение, соучастие, лонгитюдное наблюдение, включение в языковое существование говорящего, включенное наблюдение, традиционные приемы наблюдения, прямого опроса, лингвистического интервьюирования и тестирования*. Принципиально иными подходами к сбору материала при исследовании конкретных ЯЛ являются *экспериментальные методы*, которые ориентированы на получение интересующих лингвистов данных от носителей литературного языка: *ассоциативный эксперимент, создание испытуемыми текстов, задания по преобразованию исходного текста*.

Рассматривая основные **методы исследования ЯЛ**, Е. В. Иванцова отмечает, что «лингвоперсонология опирается на традиционные общенаучные и собственно лингвистические способы анализа исследуемого объекта, заимствует их из смежных с языкознанием дисциплин и отдельных частных областей лингвистики, приспособляя к изучению новой области научного знания, и вместе с тем формулирует свои специфические методы» [Там же, с. 33]. Определяя направление лингвоперсонологического анализа, лингвисты чаще всего выбирают *индуктивный подход* от конкретного к абстрактному, от текста к автору, однако при описании «коллективной ЯЛ» встречается и *дедуктивный подход*.

Распространенным общенаучным методом в лингвоперсонологии является *описательный метод (метод научного описания)*, который заключается «в планомерной инвентаризации единиц языка и объяснении особенностей их строения и функционирования» [Ахманова, 1966, с. 233].

Популярен в лингвоперсонологии *лексикографический метод*, суть которого состоит в том, что разнообразные свойства языковых единиц представляются с помощью системы словарных статей. В настоящее время издано большое количество словарей языка писателей [Байрамова, Никишаева, 2002–2005; Воробьева, 2002; Словарь языка Достоевского, 2001 и др.], политиков [Самотик, 2004] и рядовых говорящих [Лютикова, 2000; Полный словарь диалектной языковой личности, 2006–2012; Толстова, 2004 и др.]. Для определения особенностей индивидуального стиля используют также *методы математической лингвистики* [Байтов, Сорокин, 1977; Синелева, 2003; Мухин, 2011; Напреенко, 2015].

Формирующиеся **специфические методы лингвоперсонологии** можно разделить на две группы: 1) *методики реконструкции ЯЛ* (метод структурного моделирования, лингвориторической реконструкции, биографический метод) предполагают воссоздание имплицитных компонентов облика ЯЛ; 2) *речевое портретирование* опирается на факты, доступные непосредственному наблюдению [Иванцова, 2008, с. 39].

Во многих современных исследованиях ЯЛ выделяются отдельные ее аспекты, вместе с тем «практически любой вариант описания ЯЛ, в конечном счете, преследует цель построения ее модели, и можно сказать, что моделирование... является наиболее продуктивным и оттого популярным методом изучения ЯЛ» [Оленев, 2008, с. 21]. Этот метод позволяет лингвистическому описанию достичь высокого уровня абстракции, обобщить многообразие конкретного материала в обозримых классификациях.

Для анализа идиостиля и менталитета пишущей ЯЛ используется методика лингвориторической реконструкции: «первичная реконструкция» проводится на материале текстов, созданных самой ЯЛ, «вторичная реконструкция» – на основе текстов, авторами которых являются близкие, коллеги и исследователи наследия этой ЯЛ [Дружинина, Ворожбитова, 2005, с. 10].

Из литературоведения лингвоперсонология заимствует биографический метод, который представляет собой анализ дневников, писем и других личностных письменных документов, дающих информацию для социологической характеристики субъекта [Крысин, 1971, с. 83].

Широко распространен в лингвоперсонологии *метод речевого портретирования* (реже называемый *языковым портретированием*), который восходит к речевым портретам персонажей в литературоведении [Пушкин, 1989; Авилова, 2000]. Речевой (языковой) портрет является результатом планомерного описания ЯЛ в соответствии с задачами, поставленными исследователем. В настоящее время существует несколько вариантов портретирования ЯЛ. Большинство из них имеет фрагментарный характер и *социолингвистическую* направленность. «Центральное место

в них обычно занимает поярусное описание языковой системы информанта, встречаются наблюдения над речевым поведением: как правило, приводятся биографические сведения о ЯЛ, иногда в портрете представлен образец текста. Характеристика индивидуальных особенностей в речи субъекта сочетается с выделением черт, типичных для той или иной социальной группы, причем акцент делается именно на последних» [Иванцова, 2008, с. 36; Оглезнева, 2005]. Еще одна разновидность речевого портрета – это *коммуникативный портрет*, описание индивидуальных характеристик речевого поведения (см.: [Иссерс, 2000; Ерофеева, 1990; Паршина, 2005]). Речевое портретирование может быть фрагментарным, характеризующим наиболее яркие особенности речи ЯЛ, и комплексным. Тип *недифференциального комплексного речевого портрета* разрабатывают представители Томской лингвистической школы, основы этого метода исследования ЯЛ были заложены в монографии «Феномен диалектной языковой личности» [Иванцова, 2002] и развиваются в работах томских лингвистов Л. Г. Гынгазовой, Т. Ф. Волковой, О. А. Казаковой и др. при портретировании ЯЛ диалектоносительницы В. П. Вершининой.

Таким образом, методология лингвоперсонологии находится в стадии формирования, и одной из насущных задач этой науки является разработка таких методов, которые позволяют сравнивать разные языковые личности друг с другом на фоне всей системы русского языка на строгих объективных основаниях.

1.2. Междисциплинарный характер понятия «языковая личность» и многообразие подходов к его изучению

Междисциплинарный характер понятия ЯЛ делает его положение в науке весьма специфичным: это понятие стирает границы между изучающими человека дисциплинами, его разрабатывают не только лингвисты, но и психологи, педагоги, социологи.

Представители антропоцентрической парадигмы языкознания широко используют термин «языковая личность». Он входит в основу категориального аппарата многих наук, лингвистических направлений и школ. Более того, ЯЛ (в качестве объекта исследования) становится доказательством возникновения новых лингвистических направлений и дисциплин. Приведем примеры.

1. В. И. Карасик обосновывает новый, прагмалингвистический, аспект рассмотрения ЯЛ – с точки зрения коммуникативной тональности общения. Такой подход к изучению ЯЛ назван **дискурсивной персоноло-**

гией, он позволяет «выделить ряд языковых личностей, проявляющихся в определенных типах дискурса: одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и перформативный типы дискурсивных субъектов» [Карасик, 2007, с. 86].

2. В. И. Карасик [2001, с. 15] отмечает, что основу категориального аппарата **лингвокультурологии** составляют понятия языковой личности и концепта. В. А. Маслова тоже считает понятие «языковая личность» значимым для лингвокультурологии: «Понятия “языковая личность” и “языковое сознание” тесно взаимосвязаны, и оба зависят от общества и культуры. С одной стороны, человек, личность творит культуру и живет в ней, поэтому всякая культура личностна, она создается в совместной деятельности людей, в том числе творческой. С другой – определенный тип личности формируется культурой. В процессе творчества происходит саморазвитие личности, сопровождающееся развитием культуры. Опосредованная через продукты культуры, язык, опыт связь людей в обществе – основа становления культуры и истории человечества» [Маслова, 2007, с. 44].

3. С. Г. Воркачев с помощью понятий «языковая личность» и «этносемантическая личность» аргументирует методологические основания **лингвоконцептологии** – нового научного направления, категориальный аппарат которого «должен быть направлен на исследование структуры и специфических свойств концептов как ментальных сущностей особого рода, на определение их формы в зависимости от области бытования – концептологическую топологию, на описание их гомоморфных характеристик – концептологическую аспектацию <...> По существу, в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [Воркачев, 2002, с. 85].

4. А. П. Седых отмечает, что «изучение особенностей языковой личности соприкасается с **этнопсихологией** – наукой об особенностях культуры, об этнокультурной обусловленности познания, эмоционального поведения индивида, его языка и речи» [Седых, 2005, с. 370].

Учение о ЯЛ стало ярким проявлением такой черты современной лингвистики, как экспансионизм, т. е. расширение границ научной дисциплины.

В результате экспансионизма «то, что считается “нелингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем» [Кибрик, 1987, с. 35].

Практически все авторы обзоров работ о ЯЛ (см., например: [Оленев, 2008, с. 17–18]) отмечают, что уже в самих названиях лингвистических направлений, в которых ЯЛ является одним из главных объектов исследо-

вания, выражена идея интердисциплинарности: гендерная лингвистика, дискурсивная лингвистика, жанроведение, когнитивная лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология и этнолингвистика, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, психоллингвистика, социоллингвистика.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, экспансионизм современной лингвистики теснейшим образом связан с другой ее отличительной чертой – «экспланаторностью, поскольку обращение к другим наукам и данным из других наук определяется в первую очередь стремлением найти языковым феноменам то или иное объяснение. Такие объяснения устройству языка пытаются найти в первую очередь в сущностных характеристиках его носителя – человека» [Кубрякова, 1995, с. 212].

В связи с вышесказанным сложным является вопрос о статусе учения о ЯЛ. Думается, что оно междисциплинарное в филологии и пограничное в пределах прежде всего гуманитарного знания.

Поскольку ЯЛ – сложно организованная категория, то подходы к ее изучению очень разнообразны, и, соответственно, классифицировать основные направления ее изучения очень непросто. «Возникают вопросы о том, как наиболее целесообразно – по именам, по школам, по идеям – рассматривать положение дел» [Там же, с. 156].

Многообразие подходов к исследованию ЯЛ приводит к тому, что в обзорах современных работ по этой теме [Першина, 1999; Канчер, 2000; Тюрина, 2001; Кочеткова, 2002; Попова, 2002; Трипольская, 2002б; Иванцова, 2005; Голев, 2006; Романов, 2006; Тамерьян, 2006; Сагайдачная, Локтева, 2007; Стрельцова, 2007; Ишкова, 2008; Оленев, 2008; Пекарская, 2010 и др.], в зависимости от целей аналитика, прослеживаются две тенденции:

1. Если автор обзора стремится нарисовать полную картину существующего положения дел, то все современные направления перечисляются длинным списком, с трудом сводимым в какую-либо общую систему. При этом достигается полнота описания, но из-за отсутствия системы общая картина труднообозрима.

2. Если целью обзора становится доказательство правомерности собственной концепции, то выбирается какое-либо основание классификации и все работы объединяются в направления независимо от воли авторов исследований. При этом вырисовывается обозримая и удобная для восприятия читателя картина, однако в одно направление попадают очень разные работы. В этом случае в какой-то степени утрачивается объективность обзора, ряд работ оказывается за пределами анализа, так как не вписывается в выбранную систему.

Разрешить данное противоречие почти невозможно, так как ЯЛ – многоаспектный объект исследования, и в известных нам работах те или иные аспекты объединяются на разных основаниях. Несомненно, что клас-

сификация современных лингвоперсонологических направлений должна учитывать то, что при изучении ЯЛ выделяются три основных уровня абстракции, которые описал Ю. Н. Караулов:

а) личность как индивидуум и автор текстов, обладающий «своим характером, интересами, социальными предпочтениями и психологическими установками»;

б) личность как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка;

в) личность как представитель человеческого рода вообще, «неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Караулов, 1997, с. 671].

Подавляющее большинство лингвоперсонологических исследований изучают ЯЛ на первых двух уровнях абстракции, ведется либо дедуктивный анализ – от общего к частному, либо индуктивный – от частного к общему. В то же время, поскольку любая индивидуальная личность является членом социума, а любой тип состоит из конкретных индивидуальных представителей, во всех работах в разных пропорциях устанавливаются как типические, так и индивидуальные черты ЯЛ. Данная тенденция отчетливо проявилась, например, при описании профессиональной и исторической ЯЛ.

Профессиональная ЯЛ и профессиональный дискурс в структуре ЯЛ описаны в следующих работах: [Астафурова, 1998; Линецкая, 2002; Шапкарина, 2002; Лазуренко, 2006; Куценко, 2008 и др.]. Естественно, что наибольшее внимание уделяется тем профессиям, в которых речевая деятельность преобладает. Анализируется ЯЛ представителей следующих профессий:

- журналиста, радио- и телевизионного ведущего [Беспамятнова, 1994; Машковцева, 2001; Рогозина, 2001; Аракелов, 2002; Кузнецова, 2002; Мартыненко, 2003; Ширина, 2003; Таболякова, 2007; Шаховский, 2007; Шемякова, 2007; Сладкевич, 2008; Шаповалова, 2008; Дедюкова, 2009; Касимханова, 2015];

- переводчика [Цвиллинг, 1994; Калмыков, 1999; Малахова, Орлова, 1999; Сорокин, 1999; Халеева, 1999; Астафурова, 2000; Бурукина, 2001; Никитченко, 2001; Маганова, 2002; Транопольская, 2002; Левковская, 2003; Зубанова, 2004; Крюкова, Голубых, 2004; Алексеева, 2005; Бреус, 2005; Злобин, 2005; Урубкова, 2005; Полонова, 2006];

- педагога, преподавателя [Десяева, 1999; Заболотнева, 1999; Карасик, 1999; Рюмина, Ястребова, 1999; Рублева, 2001; Фомина, 2001; Безрукова, 2002; Карташева, 2002; Райцев, Тахохов, 2002; Каратанова, 2003; Кочеткова, 2003; Пивонова, 2003; Московская, 2004; Михеева, 2005, 2006; Кривоклякина, 2006; Умеренков, 2006; Антонова, 2007; Сергеева, 2013];

- политика [Базылев, 2000; Постникова, 2001; Жукова, 2002; Прохорова, 2002; Соколовская, 2002; Силеверстова, 2003; Паршина, 2004, 2005; Данилова, 2005; Комиссаров, 2007; Ладыжникова, 2007; Пишкова, 2007; Сагайдачная, 2009];
- ученого [Баркав, 1996б; Котюрова, 1996, 2003; Витлинская, 1999; Богачева, 2000; Аверина, 2001; Баженова, 2003; Данилевская, 2003; Зинина, 2007; Чернейко, 2008];
- юриста, судебного оратора, адвоката, законодателя [Варнавских, 2003; Виноградова, 2003; Денисенко, 2003; Кубиц, 2005; Маланина, 2006; Кыркунова, 2009];
- бизнесмена, экономиста [Томашевская, 1998, 2000, 2002, 2003; Милехина, 2000, 2006; Бушев, 2009];
- государственного служащего [Панова, 2003, 2004, 2005, 2006];
- артиста, музыканта [Труфанова, 1986; Ножкина, 2003; Мутигуллина, 2011];
- медика [Иванчук, 1998; Шуракова, Гноева, Лайтадзе, 2006; Барсукова М. И., 2007; Гагарина, 2016];
- референта [Киуру, 1999];
- спортсмена [Исмаева, 2007];
- моряка [Солнышкина, 2005] и др.

Исследуются не только типичные черты профессиональной ЯЛ, но и индивидуальные особенности конкретных представителей названных профессий: юриста А. Ф. Кони [Баишева, 2007; Артемова, 2008]; ученых И. П. Распопова [Вахтель, Голицына, Распопова, 1998], М. Хайдеггера [Бредихин, 2003], А. Ф. Лосева [Дружинина, 2003, 2004; Дружинина, Ворожбитова, 2005; Славгородский, 2007], А. А. Реформатского [Журавлев, 2004], В. И. Даля [Качалкин, 2005], В. В. Виноградова [Кормилицына, 1996; Федорченко, 1999], Э. Сепира [Мальцева, Варшавская, 2003], В. Шкловского [Панченко, 1997], Ю. М. Лотмана [Парсамова, 2004], Н. А. Бердяева [Паули, 2008], Н. А. Кондрашова [Рупосова, 2001], К. С. Аксакова [Серио, 2005], Ф. У. Мейтленда [Сидорова, 2003]; политиков Петена и де Голля [Дарьина, 2008], Маргарет Тетчер [Жирова, 2007], Бисмарка [Лефельдт, 2006], Г. Киссинджера [Мордовин, 2004], А. Лебеда, В. Зубова и А. Хлопонина [Осетрова, 2004], В. В. Жириновского [Ушакова, 2002], А. Линкольна [Шадаева, 2005]; артистов И. М. Москвина [Борзунова, 1986], А. Вертинского [Купина, 2004]; переводчика Б. В. Заходера [Шевченко, 2005]; профессора Саратовского государственного медицинского университета К. И. Бендера [Кочеткова, 1998].

Языковая личность в историческом аспекте анализируется в работах: [Бондарчук, Кузнецова, 1994, 1995; Топорова, 1994; Караваева, 1997; Рупосова, 1999; Семенюк, 1999, 2001; Лешутина, 2001; Вендина, 2002; Заполь-

ская, 2002; Кондратьева, 2002; Аникин, 2004; Викулова, 2005; Малышева, 2005; Унгарбаева, 2005; Меркулова, 2006; Барсукова Е. В., 2007; Плотникова, Ракитянская, 2007; Ракитянская, 2007; Русяева, 2007; Дондокова, 2008; Иванова, 2008; Передельская, 2009; Фесенко, 2009].

Во многих работах анализируются конкретные ЯЛ прошлого: губернатора А. П. Степанова [Бурмакина, 2007], Петра Великого [Гайнуллина, 2002], Е. Р. Дашковой [Гречаник, 2002], Акинфия и Прокофия Демидовых [Иванова, 2007], князя А. М. Курбского [Калугин, 1999], Епифания Премудрого [Конявская, 2000], одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия Ивана Неронова [Коротенко, 2006], подъячего Алимарцана Бабаева [Кортава, 2000, 2001], Емельяна Пугачева [Позднякова, 1997], Ивана IV Грозного [Попова, 2004; Шилина, 2003], Секста Помпея [Черняк, 2005], восточнославянского переводчика – москвича Спиридония [Янакиева, 2005], князя Б. И. Куракина [Ясинская, 2004] и др.

Как отмечает Н. Д. Голев, «диапазон вариативности языковых личностей велик и приближается к неисчерпаемости. В вертикальном (иерархическом) измерении этот диапазон простирается, начиная от языковой личности вообще и далее – к национальной языковой личности и ее вариантам (лингвоперсонемам) и завершается вариативностью конкретной языковой личности (так сказать, ее аллоперсонами). Между этими полюсами находится значительное число промежуточных образований...» [Голев, 2009, с. 18].

В методологическом плане при изучении ЯЛ важно то, что «типологическое исследование языковой личности включено в общую парадигму определения меры единичного и общего, типического и уникального, индивидуального и коллективного в объекте изучения. Индивидуальное, восходящее к биологическому, и социальное в сознании ЯЛ – характеристики диалектически взаимосвязанные. Так, можно говорить о коллективной языковой личности юриста, учителя младших классов, инженера, диалектоносителя, подростка – фаната футбольного клуба и т. п. и о типе языковой личности интроверта, балагура, манипулятора. Это позволяет квалифицировать группы носителей языка, имеющих схожие ментально-языковые характеристики в двух планах: социальном – когда группы представляют собой *коллективные языковые личности*, и лингво-ментально-психологическом – когда группы (ментально-психологические *типы языковой личности*) конструируются по их внутренним особенностям, определяющим их языковое поведение <...> Модели языковой личности, которые стоят за типами, представляют собой не меньшую, если не большую, реальность, чем модели, стоящие за “коллективной языковой личностью”» [Голев, 2009, с. 19]. В то же время не следует забывать о том, что «между рассматриваем-

мыми разновидностями нет четких границ, поскольку социальное и природное взаимопроницаемо» [Там же, с. 20].

Делая обзор типологий ЯЛ, В. И. Карасик пишет о том, что «типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), либо языка (типы речевой культуры, языковой нормы). С позиций языка можно построить также модель *словарной личности*, т. е. носителя представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях. Словарная личность представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются оценочные разновидности (например, критик и апологет), проявляющиеся применительно к определенным лексико-семантическим классам слов» [Карасик, 2002, с. 19].

По наблюдению В. И. Карасика [2009, с. 319], подходы к изучению ЯЛ сводятся к следующим типам:

1) исследование ЯЛ с позиций психологии, где разработано множество классификаций характеров, каждый из типов которых определенным образом проявляется в коммуникации и может быть изучен с лингвистических позиций;

2) анализ ЯЛ с позиций социологии; в социолингвистике выделены языковые индикаторы социальной идентичности и коммуникативного поведения определенных общественных групп: малых (семьи, школьного класса, производственного коллектива) и больших (молодежи, мужчин и женщин, людей с низким образовательным цензом);

3) изучение ЯЛ с позиций культурологии: моделируются лингвокультурные типажи – обобщенные узнаваемые представители определенных групп общества, чье поведение воплощает в себе нормы целой лингвокультуры и влияет на поведение всех представителей общества;

4) анализ ЯЛ с позиций лингвистики: делается описание коммуникативного поведения представителей разных типов языковой культуры – элитарной либо массовой, дается характеристика коммуникативной компетенции людей, проводится анализ стандартного и креативного языкового сознания. В последнее время получил распространение прагмалингвистический подход к изучению ЯЛ, в рамках которого говорящий анализируется с позиций дискурса, в котором он участвует.

Таким образом, в связи с тем, что *языковая личность* – это многоаспектное междисциплинарное понятие, подходы к его изучению разнообразны. Они могут использоваться комплексно в том или ином сочетании в одном исследовании в соответствии с целями автора.

1.3. Структурный подход к исследованию языковой личности

Структурный подход к лингвистическому исследованию ЯЛ сложился в недрах школы «Русская языковая личность» под руководством Ю. Н. Караулова. Эта школа стала первым объединением исследователей, внесших большой вклад в развитие теории ЯЛ. В сборнике, изданном к 70-летию Ю. Н. Караулова, сказано, что «название школе дано по основному объекту, подлежащему изучению и описанию в ее рамках, и по методу (способу изучения и описания), который основывается на определенном образом сложившейся и установленной в исследованиях структуре языковой личности. Под языковой личностью понимаются два феномена: 1) любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессах порождения текстов» [О научной школе «Русская языковая личность», 2006, с. 515].

В 1987 году в монографии «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов представил основы целостной теории ЯЛ и предложил пути ее исследования, которые в дальнейшем стали программными для многих направлений лингвистической персонологии. Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель ЯЛ с опорой на художественный текст и не только на него, последовательно разграничивая три известных аспекта семиотики: синтактику, семантику и прагматику. ЯЛ, по мнению ученого, обнаруживает **три структурных уровня** [Караулов, 1997, с. 672].

1. **Вербально-грамматический** уровень. К нему относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка: слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т. д.

2. **Когнитивный** уровень. Он предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса. Его единицами выступают: денотат, сигнификат, экстенционал и интенционал, понятие, фрейм, генерализованное высказывание (т. е. афоризм, сентенция, поговорка и т. п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ, каламбур и др.

3. **Прагматический** уровень отражает интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и динамику его картины мира. В состав единиц этого уровня включаются пресуппозиция, дейксис, элементы рефлекс-

сии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программа действия.

В 1988 году научная школа «Русская языковая личность» получила институциональное оформление, когда под руководством Ю. Н. Караулова коллектив из пяти сотрудников – А. А. Залевской, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой и Г. А. Черкасовой – начал работу над Ассоциативным тезаурусом русского языка. (Под тезаурусом в работах Караулова понимается «всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [В поисках языковой личности, 1995, с. 5].)

С 1988 по 1997 год по всей России в три этапа проводилось массовое и масштабное анкетирование, целью которого стало выявление образов языкового сознания русских. Результаты работы были представлены в «Русском ассоциативном словаре». В сборе материалов участвовали сотни лингвистов по всей России, а опросу подвергались тысячи носителей языка. Все это способствовало тому, что идеи теории ЯЛ стали развиваться во многих российских лингвистических школах.

Таким образом, понятие «языковая личность» тесно связано с разработкой словаря тезаурусного типа: тезаурус предстает прежде всего как способ исследования ЯЛ, как результат целенаправленного эксперимента лексикографа над языковой способностью человека. Такой эксперимент показал, что выбор языковых средств говорящим во многом определяется языковой картиной мира и что ЯЛ органически связана с национальной культурой.

Значительным результатом работы школы «Русская языковая личность» стало создание «Русского ассоциативного словаря», в котором собраны ассоциативные реакции на языковые единицы различного уровня. Исследование ассоциативных отношений позволяет реконструировать ассоциативно-вербальную сеть ЯЛ, выявить универсальные национальные составляющие языковой картины мира.

В исследованиях научной школы комплексно применяются следующие экспериментальные методы, широко распространенные в современной психо- и этнолингвистике и других междисциплинарных отраслях языкознания:

- ассоциативные эксперименты, моделирующие стимульно-реактивный, или смыслопорождающий, режим работы языкового сознания (от знака к смыслу);
- опросно-анкетные методики, моделирующие знакопорождающий режим (от смысла к знаку) работы языкового сознания и позволяющие реконструировать базу знаний языковой личности;
- анализ пересказа текстов;
- метод семантического дифференциала;

- анализ языкового существования (записи речи одного дня) личности;
- анализ деятельности устных и письменных переводчиков;
- анализ этнотекстов;
- анализ статистически достоверных самонаблюдений носителей над порождением письменной речи;
- эксперименты по восстановлению деграмматикализованных текстов и др.

Костяк школы составили ученые, работающие в Москве, Твери, Заволжье, позднее к ней идейно примкнули лингвисты, которые использовали в исследовательской практике предложенный Ю. Н. Карауловым метод вербально-семантической сети и его идею уровневого устройства ЯЛ.

Программа научной школы «Русская языковая личность» состоит из пяти исследовательских направлений [Языковая личность: текст, словарь, образ мира, 2006, с. 517–518]:

1. Языковая личность, когнитивные и концептуальные структуры языкового сознания и их эволюция с изменением национальной культуры и общества [Уфимцева, 1995, 2000; Красных, 1997, 2003, 2006; Черкасова, 2007, 2014, 2015 и др.].

2. Этнокультурная специфика языковой личности – языковые показатели русской картины мира, ментальности и русского национального характера [Уфимцева, 2004а, 2004б, 2006, 2011; Чулкина, 1987, 2004, 2005; Евтушенко, 2011 и др.].

3. Межкультурное и межэтническое сопоставление языкового сознания – типологические параметры. Полевые исследования, составление и анализ многоязычных ассоциативных словарей [Тарасов, 2000, 2004, 2012; Уфимцева и др., 2004а; Балясникова, 2003; Воейкова, 2009 и др.].

4. Речевой образ повседневного языкового существования носителя русского языка. Типология языковых личностей: социальные, территориальные, исторические, профессиональные, гендерные, возрастные вариации [Ощепкова, 2003; Панова, 2003, 2004, 2005, 2006 и др.].

5. Языковая личность художника слова. Текстовые ассоциативные поля как инвариант художественного перевода [Цыб, 1995; Ружицкий, 2015; Коробова, 2016, 2017; Ружицкий, Коробова, 2017 и др.].

Об актуальности проводимых исследований свидетельствует факт их корреляции с общемировыми тенденциями развития лингвистики, широкое внедрение идей школы в практику отечественного языкознания. Зародилась новая интерлингвистическая теория ЯЛ, в которой нашли место идеи когнитивной лингвистики, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии с ее интересом к проблеме реконструкции национальной и индивидуальной языковой картины мира, лингвоконцептологии, этнопсихолингвистики.

В заключение подчеркнем, что предложенный Ю. Н. Карауловым структурный подход к исследованию ЯЛ внес значительный вклад в решение фундаментальной проблемы общего языкознания – соотношения индивидуального и коллективного в языке и речи.

1.4. Дискурсивно-коммуникативное исследование языковой личности

Дискурсивно-коммуникативное направление исследований ЯЛ ярко представлено в работах Саратовской научной школы «Изучение функционирования русского языка», получившей институциональное оформление на кафедре русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета и объединившей не только лингвистов Саратова, но и многих российских и зарубежных ученых [Кормилицына, Сиротина, 2006, 2007].

Результатом работы школы в сфере теории ЯЛ стали докторские диссертации, защищенные в СГУ: [Седов, 1999; Кочеткова, 1999; Паршина, 2004; Иванчук, 2005; Милехина, 2006].

Достижения Саратовской школы «Изучение функционирования русского языка» признаны и в России, и за рубежом (см.: [Кормилицына, Сиротина, 2007, с. 58]). Отметим те моменты в ее работе, которые так или иначе связаны с изучением ЯЛ. Прежде всего, это исследование влияния фактора личности говорящего/пишущего на изменения в функционировании языка.

В рамках школы разработана теория типов речевой культуры литературного языка и критериев хорошей речи, проводится исследование соотношения типов речевой культуры и реального функционирования русского языка в СМИ, отдельных социально-профессиональных группах и семейном общении, изучение функционирования отдельных языковых явлений в речи представителей разных социальных групп. Все эти направления работы Саратовской школы имеют большое значение для теории ЯЛ.

Развивая концепцию Н. И. Толстого, саратовские лингвисты внесли уточнение в понятие *речевая культура*, связав его с типом общей культуры, с отношением человека к знаниям вообще, знаниям о языке и его нормам, со степенью владения функционально-стилевой дифференциацией литературного языка, соблюдением его норм и степенью творческого начала в речи. Эти идеи получили воплощение в работах по речевому портретированию.

Разделение носителей языка по типам речевой культуры позволяет дифференцировать языковые личности по их реализации в речевой (или дискурсивной) деятельности и, таким образом, является значимым пара-

метром их социолингвистической классификации. Каждый народ обладает особыми национальными речевыми культурами, характерными традициями общения, типами языковых и речевых предпочтений, связанных с условиями жизни людей, различием в их коммуникативных возможностях и потребностях, степенью образованности и т. д. (см.: [Гольдин, Сиротина, 1993, 1997; Толстой, 1995]).

В системе внутринациональных русских речевых культур выделяют несколько типов: народную речевую культуру сельских жителей, говорящих на диалекте, массовую просторечную культуру малообразованных горожан, арготическую культуру профессионально ориентированного и профессионально ограниченного характера и речевые культуры, связанные со сферой действия литературного языка, – элитарную, среднелитературную, литературно-разговорную и фамильярно-разговорную.

Элитарный тип речевой культуры свойствен людям, владеющим всеми нормами литературного языка, выполняющим этические и коммуникационные нормы. Носители элитарного типа соблюдают не только кодифицированные нормы, но и функционально-стилевую дифференциацию литературного языка, владеют всеми видами устной и письменной речи. «Для носителя элитарного типа речевой культуры характерно незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, “неперенос” того, что типично для устной речи, на письменную речь, а того, что свойственно письменной речи, – на устную» [Сиротина, 2001]. Особо отмечается, что элитарный тип речевой культуры – это воплощение общей культуры в ее наиболее полном виде.

Среднелитературный тип речевой культуры – это не до конца освоенный элитарный. Его носителями «является большинство образованного населения России: большинство людей с высшим образованием и значительное количество людей со средним образованием. Этот тип воплощает общую культуру человека в ее упрощенном и далеко не полном варианте» [Там же]. Носители среднелитературного типа, как правило, владеют двумя функциональными разновидностями литературного языка – разговорной речью и одним из функциональных стилей, необходимых профессионально: ученые – научным, журналисты – публицистическим и т. д.

Литературно-разговорный и фамильярно-разговорный типы речевой культуры начали складываться как самостоятельные в 90-х годах XX века. Для их носителей «характерно владение только разговорной системой общения, которая и используется ими в любой обстановке, в том числе и официальной. Своей стилиевой и стилистической монотонностью всегда сниженной речи “разговорные” типы сближаются с просторечным типом речевой культуры» [Там же] и различаются степенью сниженности

речи. «В литературно-разговорном типе преобладает ты-общение и домашние имена типа *Серезжа*, в фамильярно-разговорном – ты-общение становится единственно возможным, а в обращении предпочитается *Серезжка*, *Серег*. И в том и в другом типе наблюдается огромное количество используемых в речи жаргонизмов, но в фамильярно-разговорном усиливается доля грубых слов и просторечных элементов» [Там же].

Как отметил К. Ф. Седов, «концепция типов речевой культуры наглядно показывает отличия в становлении дискурсивного мышления разных людей» [Седов, 2004, с. 96].

Речевую культуру общества составляют речевые культуры его членов. Исследования саратовских лингвистов показали, что «наибольшее распространение в современной России имеет среднелитературный тип речевой культуры (в СМИ конца XX в. – среднелитературный или литературно-жаргонизирующий), однако во всех слоях общества, в его разных профессиональных группах есть и носители полно- и неполнофункциональных типов» [Кормилицына, Сиротина, 2007, с. 59]. При этом профессиональная деятельность человека существенно влияет на формирование у него того или иного типа речевой культуры.

Было показано, что «общая закономерность взаимовлияния профессионального и культурно-речевого факторов проявляется в обратной зависимости между уровнем речевой культуры личности и влиянием профессии на ее ментальный лексикон: чем выше уровень речевой культуры, тем меньшее влияние профессия оказывает на языковое сознание личности и наоборот» [Кущенко, 2008, с. 5].

В ряде работ представителей Саратовской лингвистической школы проведено исследование особенностей функционирования русского языка в речи разных социально-профессиональных групп, дано описание языковых личностей представителей разных профессий.

В рамках этого научного направления был описан речевой облик современного врача на основе анализа его профессионального общения с пациентом в различных коммуникативных ситуациях, проведено многоаспектное исследование речевых стратегий и тактик медицинского дискурса и способов их реализации, рассмотрен этический аспект речевого поведения врача. Было доказано, что выбор и эффективность той или иной тактики зависят от профессиональных целей и ситуаций общения, от типа личности и общей, в том числе и речевой, культуры врача, при этом важнейшими составляющими гармоничного общения врача с пациентом являются речевой этикет и вежливость (см.: [Барсукова М. И., 2007]).

Проведено многоаспектное исследование речевого поведения учителя на уроке, анализ показал, что это поведение отличается стереотипностью, оно строго задано рамками урока. Основные стратегии педагогического

дискурса – это императивная (ведущая стратегия), информативная и коммуникативно-регулирующая. Выявлены специфические черты диалога учителя на уроке: преобладание в речи стереотипных учительских вопросов и побуждений, клишированный характер реплик и эксплицитно выраженных средств адресации. Отмечено, что этикетную рамку фактически каждого урока составляют средства установления речевого контакта. Выделены специфические черты речевого поведения мужчин и женщин-преподавателей. Показано, что объяснительная речь мужчин монологична, менее ориентирована на собеседника, а речь женщин диалогична, более эмоциональна, адресатно ориентирована, женщина-преподаватель при объяснении задает больше вопросов, пытается сделать свою речь максимально понятной ученику (см.: [Антонова, 2007]).

Саратовские лингвисты описали речевые портреты предпринимателей, провели многоаспектное исследование речи этой социально-профессиональной группы (см.: [Милехина, 2006; Кормилицына, Сиротина, 2007]). «Было проведено сопоставление реальных предпринимателей и образа предпринимателя в современных СМИ разного типа (негативный образ в массовых изданиях и отлакированный в “глянцевых”), в современной художественной литературе, кинофильмах и русской литературе XIX–XX вв. с образом, возникшим при чтении мемуаров предпринимателей и их друзей. Доказано, что ни в прошлом, ни теперь за редким исключением в литературе нет неискаженных представлений ни о самих предпринимателях, ни об их речи, которая, как это показал исследованный материал, вовсе не изобилует жаргонной лексикой» [Кормилицына, Сиротина, 2007, с. 62].

Проанализированы особенности лексикона и речевого поведения современных студентов на материале записей устной речи студентов в неофициальной обстановке, студенческих сайтов, анкетирования студентов Саратова, а также граффити на стенах, столах и шкафах в учебных и жилых помещениях вузов Саратова. Показано, что в студенческой речи традиции русской речевой культуры постепенно трансформируются, это проявляется в лаконизации этикетных формул, пренебрежении ими в процессе общения, возрастании агрессивности речи, частом употреблении инвектив, демонстрации в речи фамильярного отношения к преподавателям (см.: [Леорда, 2006]). Изучение ЯЛ студента приобретает актуальность в связи с тем, что молодые люди быстрее всех реагируют на различные изменения в языке и именно от них будет зависеть формирование, отбор и сохранение норм языка в дальнейшем.

В ряде работ рассмотрены элитарные ЯЛ ученых. Описана ЯЛ врача и педагога, профессора Саратовского медицинского университета К. И. Бендера [Кочеткова, 1997, 1998, 1999], подробно охарактеризованы консти-

туирующие признаки элитарной ЯЛ: условия формирования, личностные качества и собственно языковые характеристики.

Выявлены необходимые условия формирования ЯЛ носителя элитарной речевой культуры: культурная среда, в которую ребенок погружен с детства (богатые духовные традиции интеллигентной семьи, социально-бытовая обстановка проживания, правильная литературная речь окружения), воспитание и хорошее образование, постоянное самообразование. Личностные свойства данного типа ЯЛ (моральные, интеллектуальные и волевые): уважение к окружающим и владение этическими нормами общения, высокий интеллект, тяга к постоянному получению новой информации, высокий уровень культуры, чувство социальной ответственности, высокая требовательность к себе. Собственно языковые и речевые признаки элитарной ЯЛ: высокий самоконтроль речи, безупречная правильность речи, хорошее чувство стиля, владение всеми формами устной и письменной речи, всеми функциональными стилями литературного языка, большой объем словаря, использование представляющих культурную ценность прецедентных текстов, жанровое и тематическое разнообразие создаваемых текстов, умение позитивно воздействовать на собеседника с помощью внушения и убеждения [Кочеткова, 1998, 1999, 2000].

Проведен анализ наиболее важных составляющих ЯЛ Ю. М. Лотмана, показано, что на его становление повлияли такие факторы, как семейное окружение, опыт речевой коммуникации, приобретенный во время войны, общение с выдающимися учеными и педагогами – профессорами филологического факультета Ленинградского университета, занятия семиотикой, приобщение к эстонскому языку и культуре. Ориентиром для собственного эпистолярного творчества ученого служили эпистолярные образцы пушкинской эпохи (см.: [Парсамова, 2004]).

Саратовскими лингвистами проведено исследование ЯЛ представителей административно-политической элиты общества (см.: [Паршина, 2004, 2005; Кормилицына, Сиротина, 2007 и др.]). Анализ радио- и телевизионных выступлений Президента РФ, членов Правительства РФ, крупных политических деятелей, генерального прокурора и т. д. выявил соблюдение/несоблюдение ортологических, этических и коммуникативных норм, риторических стратегий и тактик, типичных для того или иного деятеля, степень их риторической грамотности. Исследование показало, что «самый низкий уровень речевой культуры демонстрируют представители судебной власти, особенно прокуроры и низовые работники аппарата местной власти и милиции, что в немалой степени влияет на снижение авторитета судебной власти в России» [Кормилицына, Сиротина, 2007, с. 60].

В ряде исследований Саратовской лингвистической школы рассматривается функционирование русского языка в средствах массовой инфор-

мации (см.: [Иванчук, 2005; Кормилицына, Сиротинина 2007; Шаповалова, 2008]), в рамках этого направления созданы речевые портреты отдельных журналистов, установлено, что разные типы речевой культуры наиболее четко проявляются в публицистическом стиле.

Исследование коммуникативного поведения популярных ведущих теле- и радиопрограмм и участников онлайн-форумов показало, что в современных средствах массовой коммуникации (теле- и радиодискурсе, интернет-общении) сформировалась модель конфликтной языковой личности – «обобщенно-типичного образа участника массмедийного дискурса, для которого конфликтность является статусным компонентом коммуникативного поведения» [Шаповалова, 2008, с. 5]. Основная коммуникативная черта выявленной модели – «стремление к конфликтной манипуляции партнером по общению с помощью элементов лингвокреативности» [Там же].

Таким образом, для типологии языковых личностей значимо выделение типов коммуникативного поведения, установление того, как соотносятся типы речевых культур с формами речевого воздействия. О. Б. Сиротинина и М. А. Кормилицына пишут о том, что «дискурс, который строится в соответствии с требованиями кооперативной коммуникации, можно считать принадлежностью полнофункционального (элитарного) типа речевой культуры... В обыденном метатекстовом сознании личность, демонстрирующая в общении... черты кооперативного взаимодействия, определяется как интеллигентная. Активная и пассивная центрация выступает приметой среднелитературного типа речевой культуры. Наконец, разные виды и формы речевой агрессии, как правило, характеризуют нелитературные типы речевой культуры. Этические нормы поведения, которые проявляются в формах кооперации, нельзя напрямую соотнести с уровнем образованности и интеллекта, однако они должны учитываться при оценке общей культуры поведения человека, стать одним из критериев при разработке типологии речевых культур...» [Кормилицына, Сиротинина, 2007, с. 64].

Саратовские лингвисты решают проблему ЯЛ также в аспекте связи жанров с речевым портретированием [Милехина, 2000, 2006; Паршина, 2005; Седов, 2007].

Ученик О. Б. Сиротининой профессор К. Ф. Седов, который был одним из главных генераторов идей в области теории ЯЛ в Саратовской лингвистической школе, в своей докторской диссертации и в монографии «Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции» представил результаты исследований онтогенеза речевого мышления, предложил пути решения одной из главных проблем современной онтолингвистики (возрастной психолингвистики) – проблемы становления ЯЛ ребенка, показал, каким образом «становление структуры дискурса отражает (и выражает) особенности эволюции коммуникативной компетенции личности»